

ВОЛЖСКИЕ СКАЗКИ

Алексей ИВАНТЕР

**КОСТРОМСКИЕ
СКАЗКИ**

Художник

Константин ШАПОВАЛОВ

Красный Холм
2025

УДК 82-93
ББК 83.84
И22

Ивантер, Алексей Ильич.

И22 Костромские сказки : сказки в стихах / А. Ивантер ; худож. К. Шаповалов. – Красный Холм, Благотворительный фонд поддержки гуманитарных, культурных, образовательных программ «Национальные приоритеты», 2025. – 144 с. : ил. – (Волжские сказки).
ISBN 978-5-6054543-0-4

В новую книгу известного поэта Алексея Ивантера входят произведения, в значительной степени наследующие отечественной традиции стихотворной сказки. Более тридцати пяти лет автор собирал городские легенды и сельские предания на волжских берегах, в Поморье, Центральном Черноземье и на Дону. Сюжеты большинства из них малознакомы или вовсе не знакомы современному читателю. Переложенные в стихотворную форму, они весомо пополняют сокровищницу отечественной детской литературы. Иллюстрации к сказкам, созданные художником Константином Шаповаловым с бережным вниманием к классическим практикам русского детского иллюстрированного издания, обладают самостоятельной художественной ценностью.

*Моим девочкам – Кате, Агнешке, Иришке
и сыну Данику*

КУПЕЦ АСОН И ВЕЩИЙ МАЛЬЧИК

Как в селе за Костромою
Жили-были муж с женою;
Стали сниться мужу сны,
Да всё тёмны, неясны —
Будто плачет кто под печкой
Наподобье человека,
Плачет, махонький, навзрыд:
«Горячо огонь горит!»

Рассказал он сон свой тестю,
Хорошо б подумать вместе,
Две мужицких головы
На отгадки здоровы.
Долго думали-гадали,
Щи остывшие хлебали,
Так и эдак — невдомёк.
Да зашёл на огонёк
Старичок один прохожий,
Сам на лешего похожий,
А в обед ему сто лет,
И такой давал совет:
«Ты дорогою окольной
Поспешай-ка в город стольный,
Там живёт купец Асон,
Разгадает всякий сон».
Вот мужик собрался в город,
Положил алтын за ворот,
А иконку в туесок,
Затянул свой поясок,
Завернул калач в тряпицу
И отправился в столицу.

Ночь застала на пути,
Темень, господи прости,
Хлябь небесная балует,
Хлещет дождь и ветер дует;
Да подвода нагнала,
До деревни подвезла —
Добры люди путевы
Знали место у вдовы.
Только лёг мужик на лавку —
Видит: глазки, как булавки, —

И мальчонку с два вершка
От поганого горшка.
Говорит ему мальчишка:
«Не давай Асону лишка,
Он запросит баш на баш,
Отвечай, что четверть дашь
От того, что есть под печкой,
Где слыхал ты человечка,
Только рот свой затвори:
Про меня не говори!»

Вот пришёл мужик к Асону,
Видит тучную персону,
Говорит ему: «Асон!
Разгадаешь ли мой сон?
Снится – плачет кто под печкой
Наподобье человечка,
Плачет, махонький, навзрыд:
“Горячо огонь горит!”»
А купец в ответ: «Ну ладно,
Да тебе и не накладно,
Половину мне вручи,
Что добудем с-под печи».
Да мужик упёрся сразу
По мальчонкину наказу:
«Четверть дам, а больше – нет.
Вот, Асон, тебе ответ».
Стал купец сначала спорить,
Видит: нет, не объегорить,
Взял дорожную суму:
«Запрягайте в Кострому!»
А сынки его сопаты
Взяли кирки и лопаты –
Знамо, надо понимать,
Чтоб ловчее печь ломать.

Как сломали печь честную –
Видят дверцу потайную,
А за нею серебра –
Не горушка, а гора!
Поделились, как рядились,
Расставаться снарядились,
Стали лошадь хомутать,
А купец давай пытаться:

«Не с твоим, мужик, умишком
Поделить так серебришко,
Кто наустил, знать хочу,
Скажешь – долю ворочу!»
Жадность пуще обещанья –
Вот богатство паче чаянья,
Знать, даётся задарма
Не от крепкого ума!
Что наказывал мальчонка?
Много ль тьма у дитёнка?
«От события таковы:
На ночлеге у вдовы
Подучил меня мальчишка
Поделить так серебришко».
Зыркнул купчик жадным глазом,
Сел в повозку с сыном разом
И доехал до вдовы,
Не клонивши головы.
Во все тяжкие пустился,
На ночлег к ней попросился,
Говорит: «Далёко нам
Ехать к люблинским панам,
Ох и дальняя дорога!
Приюти нас, ради бога!»
...Рано летом рассветает;
Тут петух в избу влетает,
По избе крылами бьёт,
По-петушьему поёт.
«И о чём же ты горланишь?
Говорить, поди, не станешь», –
Усмехается Асон,
Прогоняя тяжкий сон.

Говорит сынку вдовица:
«Что вещает божья птица?
Ну-ка, гостю расскажи,
Всё по правде доложи».
«А о том она вещает:
Скоро гость наш обнищает,
А богатства все его –
Для меня для одного!»
А купец напился чаю –
И вдове: «Я обещаю,

Коли мне отдашь сынка –
Будет жизнь его сладка
И ему, я обещаю,
Все богатства завещаю:
Серебро, и закрома,
И в столице терема».
Покручинилась вдовица:
Сколько жизнь её продлится?
А оставить сироту
Одного невмоготу.
«Забирай», – купцу сказала,
Туго в узел завязала
Мармеладу и конфет
И всплакнула напослед.

Вот везёт купец мальчонку
И бурчит: «Убить волчонка...
Нынче ж слугам прикажу
Я прибрать его к ножу».
А из ближней деревушки,
Из-за махонькой избушки,
Упасает от греха
Зычный голос петуха;
А из топи, из низины,
Из Юсуповской трясины,
Где осина да ольха,
Слышен голос петуха.
Вот приехали в столицу,
Как девица, белолицу,
А с подворья во весь дух
Закричал опять петух.
Входят в купчие палаты,
Слуги мечутся патлаты,
Дочка ножками сучит,
Кочет с улицы кричит.
Повар в горницу вбегаёт,
А купец ему мигает:
«Накорми мальчика с котом
И зарежь его потом».

Длинный ножик повар точит,
Резать мальчика не хочет,
Плачет, мучится, молчит,
А в окне петух кричит.

Говорит тогда мальчонка:
«Не губи малá дитёнка,
Ты не режь меня, не плачь,
Ты меня в подклети спрячь».
Так и жил с тех пор мальчишка,
Затаившись, как воришка,
Да порой озорничал –
Петухом в ночи кричал.

Как-то сон царю приснился,
Будто встал он, не умылся,
Шасть в исподнем по дворцу,
Что монарху не к лицу,
Видит вдруг он: ниоткуда
Три златых возникли блюда
И едят из них три пса –
Это что за чудеса?
Царь бояр созвал к обеду,
Говорит: «Умом я съеду,
Кто смекнёт, о чем был сон?»
Говорят ему: «Асон
Есть, купец-судовладелец,
Сны разгадывать умелец,
Посылай к нему гонца
Да стражай не слегонца:
Разумеет он загадки,
Да до денег больно падкий».

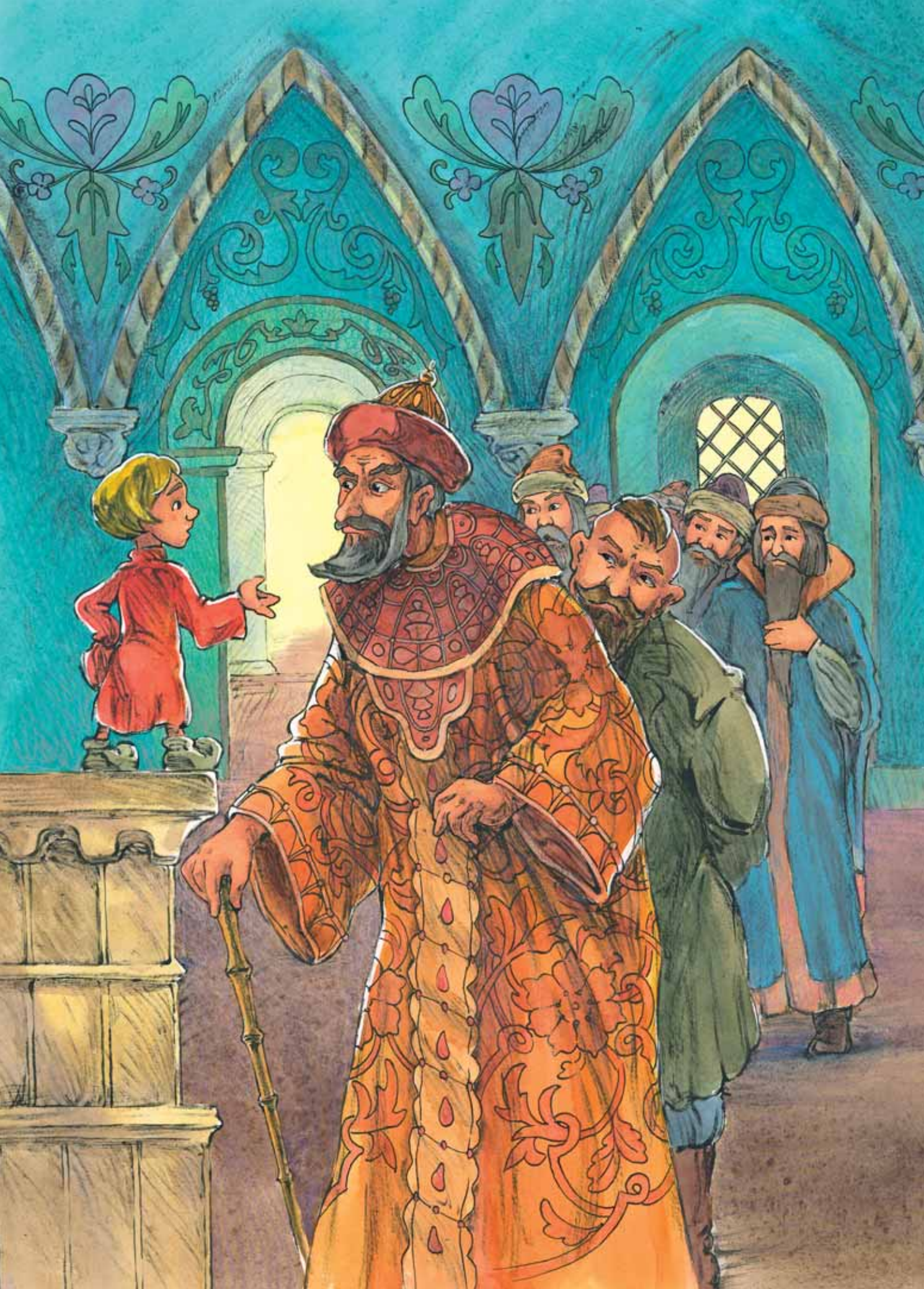
Вот гонец купца доставил,
В царской горнице наставил:
В очи грозные царя
Не глядеть почём зазря,
На пол чистый не сморкаться
И с царём не пререкаться.
Вопрошает царь: «Асон,
Разгадаешь ли мой сон?
Снилось мне, как ниоткуда
Три златых возникли блюда
И едят из них три пса –
Это что за чудеса?
Коль загадку разгадаешь,
Ничего не прогадаешь –
Из казны озолочу,
Нет – так по миру пущу».

Ничего во ум не входит,
Так и эдак – не выходит.
Трое псов... Едят из блюд...
Больно царь сегодня лют!
Ну как выполнит угрозу,
Пустит нищим по морозу?
Знать, суму тогда носить
Да на паперти просить.
Царь заминки не выносит,
А купец отсрочки просит:
«Дай подумать, мол, три дня,
А потом казни меня».
Еле-еле допросился
Да к супруге воротился,
Зло в душе своей хранит,
Громко повара бранит:
«Вот зарезал ты мальчонку,
Растудить тебя в печёнку,
Кабы жив волчонок был,
Он бы делу пособил».
И приводит за ручонку
Повар вещего мальчонку.

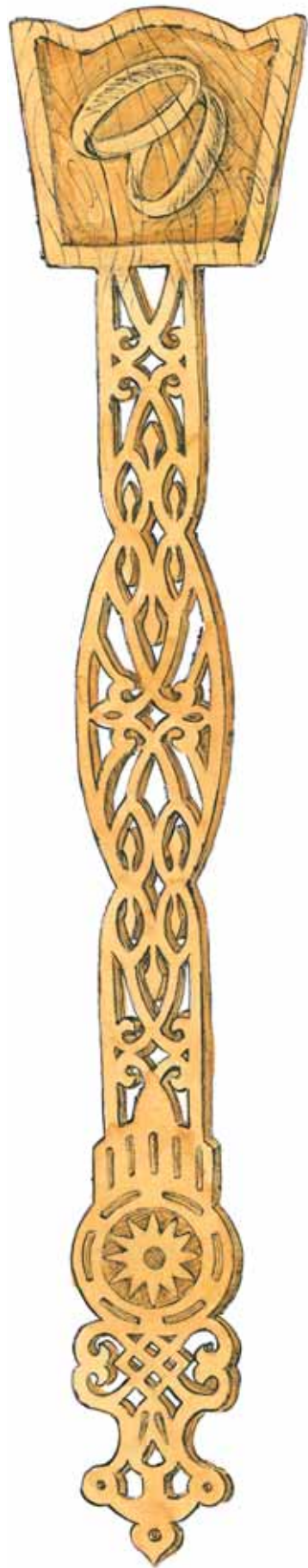
Говорит мальцу Асон:
«Разгадай-ка царский сон:
Во дворце вдруг ниоткуда
Три златых возникли блюда,
И едят из них три пса –
Это что за чудеса?»
«Разгадать-то разгадаю,
Да царю сам докладую.
Хошь не хошь, я говорю,
А веди меня к царю!»

Срок подходит нешутейный,
А купец сидит в питейной –
Не по чину для купца,
Многодетного отца.
Делать нечего – к рассвету
Царь прислал за ним карету,
Пару стражников при ней,
Чтоб привезть его верней.
Вот вошёл купец в палаты,
В них бояре бородаты

Смотрят злобно и хитро –
Отобрать хотят добро.
Вопрошает царь: «Асон,
Разгадал ли ты мой сон?
Иль суму тебе худую
В кладовой дворца найду я».
А купец в ответ царю:
«На духу как говорю,
Сон твой всякий разгадает,
Пусть малец мой докладает».
А мальчонка говорит:
«Коли царь купцу велит,
Раз такі царёвы речи,
Не пристало мне перечить».
В ноги пал купец царю:
«Не губи меня, хитрю –
Не надумал, а сопливец
Вправду знатный прозорливец».
Царь велит мальчонке грозно:
«Говори, пока не поздно!»
Брови супит, руки трёт:
«Берегись, коль купчик врёт!»
«Сон твой вещий, не обманный:
Вор завёлся не карманный
Во дворце, и даже три».
«Ну так дальше говори! –
Царь грозит мальцу сурово.
– Исполни царёво слово!»
«Казначей казну ворует,
Младший брат твой озорует,
С воеводою вдвоём
Закопать хотят живьём».
«То-то чую я измену! –
Кулачищем хватъ об стену
Царь. – Да после разберём,
А сперва добро берём
У Асона подчистую!
И суму вручить пустую!
А добро отдать мальцу –
Прямо к вдовьему крыльцу!»

Тут из тучи вышло солнце,
А петух влетел в оконце,
Чтобы купчик не скучал,
И три раза прокричал.

МАРЬЮШКА

За дремучими лесами,
Облаками-парусами
Жил да был один вдовец,
Дочерям своим отец.
Говорит вдовец: «Работник
Нужен нам – не швец, не плотник,
Тут нужны не мастера,
А старшая вам сестра».
Отвечает дочь меньшая:
«Так и я уже большая,
Лучше буду я сама
Весть хозяйство задарма».
Низковата, смуглокожа,
Так на матушку похожа,
Что отрада для отца –
Престарелого вдовца.
Всё-то Марьюшка умеет:
Утром сварит, днём согреет,
Всех накормит, напоит,
Днём без дела не сидит,
А как ляжет спать сестрица –
Принесёт с ручья водицы,
Постирает всем бельё
И садится за шитьё.

А сестра её старшая
Дом как может украшает,
Кружева плетёт крючком
И сидит весь день молчком.
Слова лишнего не скажет,
Спросят что – рукой покажет,
Вместо «нет» косой мотнёт,
Вместо «да» – двумя мигнёт.
Словом, старшая сестрица
На все руки мастерица,
А собой пошла в отца –
И глаза на пол-лица.

Раз отец на торг собрался,
А битюг разупирался;
Вот же ижица-фита,
Не идёт конь в ворота!

Перед створом он открытым
Ржёт и в землю бьёт копытом,
Не идёт и в поводу –
Словно чувствует беду.
Что прикажешь селянину?
Пнул упрямую скотину,
Взял свой посох и с мешком
В путь отправился пешком.

А до торга путь далечный,
Вкруг болот, да путник встречный
Надоумил напрямки,
Низким берегом реки.
Вот идёт вдовец тропинкой,
Видит странную картинку:
Серый заяц на лугу
Точно обмер на бегу.
Вот идёт вдовец ужотко,
Видит: вытащена лодка,
А на лодке ёж сидит,
Не мигая вдаль глядит.
А под лодкою – норушка,
Спит в ней ёжкина подружка,
Да не спит, а замерла.
Что за дивные дела?
Но идёт, набрался духу,
Видит древнюю старуху.
Говорит ему карга:
«Больно тропка тут долга,
И ведёт она в болото,
В топь да заросли осота,
Куда ворон и костей
Не носил ночных гостей.
Ты ступай себе, ей-богу,
Старопрежнюю дорогой,
Не крапивою до пупа.
Тут звериная тропа».
Повернул вдовец обратно,
Покрестился троекратно,
Час идёт и два идёт,
Старых мест не узнаёт.
Вечереет, дело к ночи,
Различают еле очи,
Где болото, где тропа,
Где крапива до пупа.

Пахнет тиною и зверем;
Видит вдруг: высокий терем,
Ни забора, ни плетня,
Ни в окошечке огня.
Двери настежь отворёны,
На рябине две вороны;
Входит в терем, и в тиши
Там не видно ни души.
Лишь ступил – зажглися свечи,
Голосок звучит из пёчи:
«Наготовлю есть и пить,
Только, чур, не уходить!»
Каркнул ворон над трубою,
Стол накрылся сам собою,
Яства всякие на нём,
Не сыскать каких с огнём.
Вдоволь он поел, попил
И на мягком опочил.

Сладко спал вдовец до свету;
Утром снова скатерть эту
Увидал перед собой.
Ворон каркнул над трубой,
И повёл такие речи
Голосок из русской пёчи:
«Долго, гость мой, гостевай,
Про меня не дознавай,
Пить и кушать приглашаю,
Уходить не разрешаю».
Погостил вдовец три дня,
Говорит: «Прости меня!
Вдоволь ел я, гостевался,
Про тебя не дознавался,
А теперь меня прости,
Время дальше мне идти».
Положил мешок за плечи,
А вослед ему из пёчи:
«Можешь из дому уйти,
Только дальше нет пути».

Шёл он, шёл тропинкой давней,
Глядь – опять знакомы ставни,
Как по чёрной ворожбе,
Тот же ворон на трубе,

А из пёчи голосочек:
«Погости ещё денёчек,
А за ним ещё другой,
Жданный гость мой дорогой!»
Что ни день – вдовец уходит,
Да тропинки не находит:
Чтоб от терема уйти –
Нету верного пути.

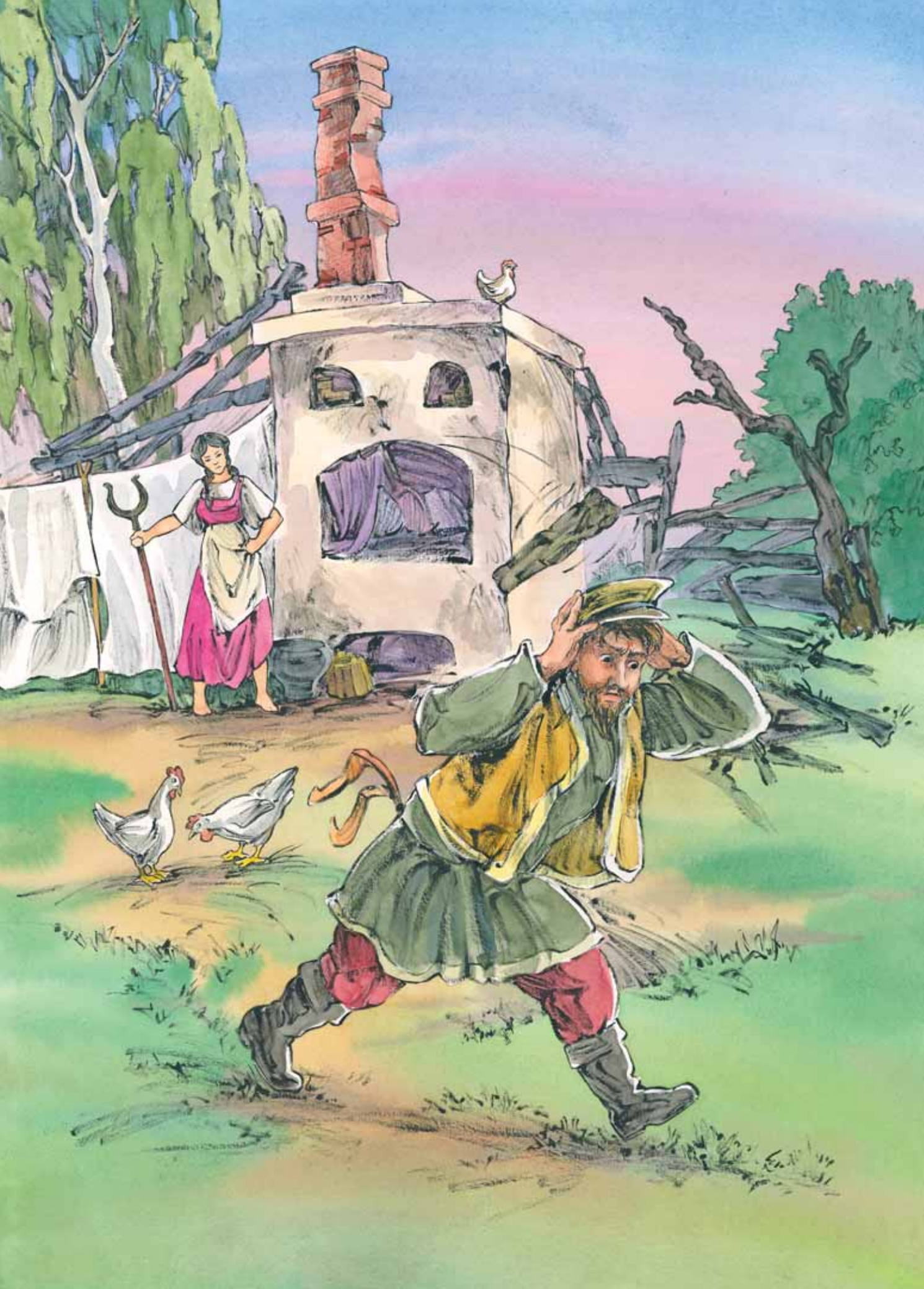
Долго ждут отца сестрицы,
Мокроглазы, грустнолицы,
Как умом ни вороти –
Сгинул батюшка в пути.
Говорит сестра старшая:
«Ох, пойду я попрошаю
На воскресном на торгу,
Может, выведать смогу,
Может, батюшку кто видел,
Может, тать его обидел,
Может, тяжко захворал,
Может, Бог его прибрал».

А до торга путь далечный,
Вкруг болот, да путник встречный
Надоумил напрямки,
Низким берегом реки.
Вот идёт она тропинкой,
То мелькнёт кабанья спинка,
То змея из-под ноги.
Святый Боже, помоги!
А навстречу ей – старушка,
Говорит: «Постой, девчушка,
Тут крапива до пупа,
Тут звериная тропа.
Ты ступай себе, ей-богу,
Старопрежнюю дорогой
По тропинке до конца,
Там и сыщешь ты отца».
Покрестилась троекратно
И пошла тропой обратно –
И приходит ввечеру
К заколдовану двору.
Каркнул ворон над трубою,
А из пёчи: «Глянь, с тобою

Дочка старшая теперь.
Вот, одёжку ей примерь».
А по горнице шелковы
Так и сыплются обновы
Из сумы берестяной,
Все ей впору до одной.
Вечеру зажглися свечи,
Голосок опять из пёчи:
«Наготовлю есть и пить,
Только, чур, не уходить!»

День за днём идёт; Марьюша
Изливает Богу душу,
Не поймёт такой судьбы,
Не выходит из избы.
Как-то мельник ехал мимо,
Смотрит – свет, а нету дыма,
Ни следа, хоть снег лежит,
Пёс к подводе не бежит.
Завернул, в избу стучится,
А в избе одна девица,
Ни сестрицы, ни отца,
Марья грустная с лица.
Говорит: «Пойдём со мною,
Будешь хоть и не женою,
А прислужницей при мне,
Но с женою наравне.
Что одной в избе томиться?
Знамо, сгинула сестрица,
Нет в живых, поди, отца».
Колотьба у хитреца,
Смотрит жадно и острó:
Как к рукам прибрать добро?
И скотину, и избу –
Раскатал уже губу,
Так и эдак улещает;
А она сидит серчает.
Мельник думает: «Пора!
Ох, окатит из ведра!»
Укатился восвояси.
Следом – поп в унылой рясе:
«Всё ты, Марьюшка, одна.
Сбилась с ног моя жена.
Вот у нас бы поселилась –
Глядь, она б развеселилась».

Та же самая тропа
Проводила и попа.

Всё-то мельнику неймётся,
Утро новое займётся –
Снова вьётся мысли нить,
Как бы Марьюшку сманить.
Бес ли старого попутал,
Душу ли туман окутал –
Битый месяц тёр во лбу
И решил спалить избу.
Дело тёмное вершится,
Ночью изба загорится;
Погорело всё дотла,
Только печка и цела.
Еле выскочить успела,
Пепелище оглядела,
Рано, думает, тужить!
И залезла в печку жить.

День проходит, мельник катит:
«Горе мыкать, – бает, – хватит,
Полно, Марьюшка, тужить,
Приходи на мельню жить!»
Не внарошку на дорожку
Отхватил он головёшку;
Охти, думает, пора
Мне от этого двора!
Только мельник укатился –
Поп упорный возвратился –
И опять: «Коль ты одна,
Будь Христу теперь жена,
Вот, дарю тебе псалтырь,
И поедem в монастырь».
Не внарошку на дорожку
Отхватил он головёшку.

День и ночь сидит Марьюша,
Изливает Богу душу,
Всё горюет о судьбе.
Говорит она себе:
«Завтра утром печь закрою
И пойду я за сестрою,
За сестрой и за отцом,
Хоть, видать, одним концом».